

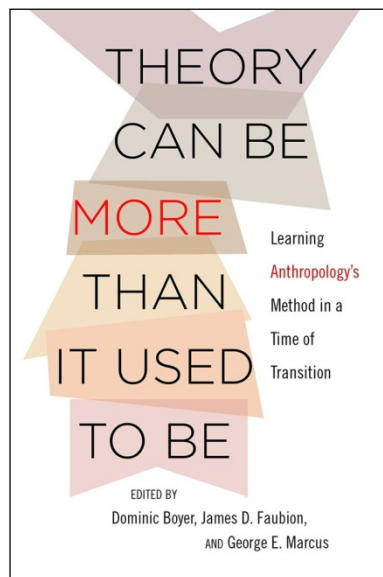
РЕЦЕНЗИИ

УДК 303.1

DOI: 10.17223/2312461X/21/12

ЧТО ПРОИСХОДИТ С ТЕОРИЕЙ В АНТРОПОЛОГИИ?

Theory Can Be More than It Used
to Be: Learning Anthropology's
Method in a Time of Transition /
Eds. D. Boyer, J.D. Faubion,
G.E. Marcus. Ithaca; London:
Cornell University Press, 2015.
274 p. ISBN 978-1-50170-007-1

Сборник «Теория может быть большей, чем некогда была: изучение метода антропологии в переходный период», – своего рода «рефлексия» на интеллектуальные позиции и педагогический потенциал теории в антропологических исследованиях и образовании последних десятилетий. Книга пронизана любопытными межпоколенческими диалогами; ее составители и ответственные редакторы – три заведующих кафедрой антропологии Университета Райса (г. Хьюстон, США), последовательно сменявшие друг друга на протяжении последней четверти века. В дополнение к статьям в книге, в формате дискуссий и интервью, даны голоса совсем молодому поколению, вчерашним аспирантам антропологических кафедр, занятым сегодня в разных сферах как в стенах науки, так и вне их. Диалог, на мой взгляд, получился весьма интересным.

По формату и концепции построения книга является логическим продолжением более раннего сборника «Полевая работа – не та, какой она была некогда» (Fieldwork Is Not What It Used to Be. Ithaca; London,

2009); однако по содержанию ее не следует рассматривать как *sequel* – это самостоятельный текст и, на мой взгляд, более интересный, чем первый.

Эта книга – не «манифест», провозглашающий что-либо новое на предмет теории, и не анализ современных теорий, предупреждают авторы-составители. Это рассуждение о том, чем теория в антропологии стала *de facto* сегодня, чем не стала и чем могла бы быть. В условиях, когда производство антропологического знания, стимулы, мотивации и перспективы академической работы меняются быстро и, возможно, необратимо, место и роль теории становятся неожиданно расплывчатыми и непонятными, замечают авторы. Но что примечательно, в связи с этим в образовательном процессе возникают охранительные тенденции, выражающиеся в своеобразном «откате» к пониманию и преподаванию теории на принципах, на которых она преподавалась много десятилетий назад.

Теория в антропологии, замечают составители, всегда была напрямую связана с афишируемыми и неафишируемыми практиками университетского образования. Полстолетия назад, когда распределение выпускников было во многом «позвоночным» и зависело от неформальной рекомендации руководителя коллегам, своевременный выбор правильной «теоретической ориентации» мог оказаться определяющим на карьерном пути. («В то время, когда я был в Чикаго, – рассуждает Д. Бойер, – как правило, невозможно было сослаться ни на какую работу Мишеля Фуко ни в какой курсовой, не получив при этом порицания». В Беркли, вспоминает Д. Фобьон, хотя «я и не ощущал, что меня к чему-то принуждали», все равно «делом выживания было... приблизиться к тому профессору, чьи интеллектуальные склонности оказывались ближе всего к твоим» (р. 217)). Но в условиях современного перенасыщенного рынка работы и бюрократизации научной сферы, когда «сотни кандидатов... конкурируют за каждую объявленную позицию», значение теоретической ориентации существенно трансформируется, ибо теория сама становится своего рода текучим рыночным активом.

В данных условиях происходит формирование, по выражению составителей, «альтернативной аналитической этики», которая вызревает на сложном перекрестии старых вопросов и новых реалий научной работы. С одной стороны, теория по-прежнему непосредственно включена в оценочные рамки научной деятельности и продукции («Проявляет ли аспирант теоретическую подкованность?»; «Является ли статья теоретически оригинальной?»; «Представляется ли обоснование заявки на грант теоретически релевантным?») – все эти вопросы, прекрасно знакомые каждому научному работнику, указывают на то, что теория продолжает играть роль «резервуара семиотической ценности и политической власти» (р. 4)). Абстрагироваться от того, что теория – это не

только набор идей, но и «практическая система координат участия в аналитической деятельности», невозможно. С другой стороны, реальность научных исследований сегодня, их сфера приложения, их дискурсивная среда, настолько многопланова, что необходимо порождает целый «калейдоскоп» новых средств и «способов, с помощью которых теория применяется, озвучивается и объективируется в антропологической [работе]» (р. 8). Значение теории как таковое, замечает в своей статье Д. Маркус, сегодня нередко сдвигается с плоскости ее формулирования на плоскость ее рецепции: теория объективируется тем или иным способом в зависимости от того, в каком дискурсивном сообществе она воспринимается (р. 49–52). Динамика этого процесса неясна и требует изучения и обсуждения (хотя бы для лучшего понимания, куда направлять педагогические усилия в преподавании теории).

Д. Фобьон в статье «О программности» указывает, что преподавание теории на кафедрах антропологии (в США) до сих пор отворачивается от инновационных способов применения теоретического инструментария и преимущественно ограничивается традиционными программными целями. Последние, согласно аргументации Д. Фобьона, в общем и целом соответствуют четырем типичным концептуальным подходам, в русле которых теория осмысливалась в антропологической дисциплине на протяжении большей части XX в. («референциальный», «модельно-теоретический», «тенденциальный» и «диагностический»). Безотносительно к удачности или неудачности выбранных терминов, аргументация Д. Фобьона весьма интересна. Референциальный подход построен на индуктивной логике, с помощью которой события и факты деконтекстуализируются и классифицируются в «универсальные типы» (от поиска культурных универсалий в первой половине XX в. до систематизации базы данных HRAF во второй и до заигрывания с идеями «big data» сегодня – данный подход не теряет своей привлекательности, особенно в био- и археолого-антропологических исследованиях). Модельно-теоретический подход, наоборот, опирается на дедуктивную логику и построение ряда «дистиллированных» аксиоматических принципов, которые абстрагируются от этнографической реальности ради достижения целостности картины («структуры» К. Леви-Строса, «логика социального» у П. Бурдьё, «аксиоматика коммуникативного действия» у Ю. Хабермаса – примеры этого подхода). Тенденциальный подход – продукт последних десятилетий XX в. и характерного увлечения идеями глобализации, постколонизации и т.д.; упор в нем делается на «процессуальность» культуры и общества и на невозможность четкой надежной фиксации явлений (примеры – теоретические построения Э. Гидденса, У. Бека, Д. Харвея и др.). Наконец, диагностический подход – во многом результат взаимодействия культурной антропологии и континентальной европейской философии в последней четверти XX в.; в нем угол зрения смещен с общей картины на интерпретативную

диагностику «онтологии отдельного случая» (не только К. Гирц и представители интерпретативной антропологии, но и многие другие антропологи от неомарксистов до постструктуралистов – приверженцы данного подхода).

Комбинации, в которых данные подходы применяются в преподавании, замечает Д. Фобьон, часто совершенно нелогичны и имеют весьма поверхностное и абстрактное отношение к изучаемой этнографической реальности («балканизация» в программах теоретических курсов – так отзывается он о текущих тенденциях в университетах). Сегодня есть курсы, где теория преподается как «натюрморт», говорит Д. Фобьон, т.е. как изящная картинка, с которой непонятно, что делать на практике; и есть курсы, где она преподносится как «аппарат без руководства пользователя»; но практически вышли из моды курсы, в которых бы грамотно разбирались эпистемологическая и эвристическая ценность самой теории, ее применимость или неприменимость к этнографическим данным. В этом, по его мнению, одна из основных проблем современной педагогики.

В этой связи Д. Бойер и С. Хау вводят в своей статье понятия «переносная аналитика» и «латеральная теория». Напоминая читателю, что греческое слово *theorein* обозначало человека, которого полис посылал наблюдать ритуалы и события в других городах, и разбирая известную статью Э. Саида «Путешествующая теория», они указывают, что теория на деле редко функционирует как «правило для применения»; скорее, она подразумевает консенсус, возникающий при – или как результат – ее транспозиции между разными аудиториями. Переносная аналитика (*portable analytics*) – это методологический принцип, предполагающий тестирование теории в альтернативных этнографических контекстах, в результате которого выкристаллизовывается более точный и правильный теоретический аппарат для научного анализа. Теорию, возникающую при следовании такому принципу, можно назвать «латеральной» (*lateral*), поскольку она складывается в процессе «горизонтальной», «синхронной» коммуникации между различными аудиториями. До сих пор теория понималась преимущественно как «вертикаль», «директива», т.е. принималась как нечто, идущее «сверху» и подлежащее исполнению (в такой трактовке факты, не подходящие под теорию, оказывались, как правило, неудобны). «Горизонтальное» же (т.е. латеральное) понимание теории предполагает, что она сама по себе подлежит обсуждению, окончательному оформлению в результате дискуссии. Для антропологической дисциплины это, возможно, более важно, чем для других, из-за множественных этнографических контекстов, с которыми ей приходится иметь дело. Но рост латеральности как принципа, отмечают авторы, обусловлен самими условиями развития и распространения научного знания на сегодняшнем историческом этапе, когда наука

оказывается включенной в интернет-технологии, социальные сети, мобильные связи, т.е. в «новую мультимедийную экологию», как называют ее авторы (р. 30).

Очень показателен и поучителен раздел интервью («Диалог»), в котором составители беседуют с недавними выпускниками кафедр антропологии, в частности на предмет того, что те помнят о своем первом столкновении с теорией в образовательном процессе. Удивительно, что практически ни в ком это столкновение не оставило особых воспоминаний (безусловно, интервьюируемые пытались «рационализировать» их опыт и говорить положительно о значении теории, но было очевидно, что для большинства из них она не оказалась источником вдохновения.) «В некотором смысле, – констатировал один из интервьюируемых, Д. Хант, – во всех наших столкновениях с теорией присутствует одна и та же условная схема, достойная сожаления» (р. 211).

Это нездоровый признак, полагает Д. Маркус, ибо в педагогической практике теория, кроме сугубо аналитического, должна иметь и эстетическо-аффективное значение – она должна вдохновлять на исследования, работать как внутренний катализатор для персонального научного поиска.

В книге, разумеется, нет пошаговых инструкций и окончательного ответа на вопрос о том, чем должна быть эффективная теория в современной антропологии, однако есть множество размышлений и аргументов, собирающих эту многоплановую тему «в фокус». Сильной стороной антропологической традиции Университета Райса всегда было, так сказать, критическое обнажение проблем – *brainstorming*, – и на этот раз авторам-составителям вполне удалось высветить важную проблему в антропологической практике сегодняшнего дня. Впрочем, книга не без изъянов, ее можно критиковать за некоторую бросающуюся в глаза незаконченность (идеальное завершение чего-либо всегда было слабой стороной антропологической традиции Университета Райса), за неровность подборки авторов и статей – и все-таки, наверное, за недостаточное внимание к ответам на поставленные острые вопросы. Но, возможно, в планах авторов – сосредоточиться на таковых в следующем сборнике.

А.Л. Елфимов

Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 1 августа 2018 г.

Elfimov Alexei L., Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences

THE TRICKY STATE OF THEORY IN ANTHROPOLOGY

Review of Theory Can Be More than It Used to Be: Learning Anthropology's Method in a Time of Transition, ed. by D. Boyer, J.D. Faubion, and G.E. Marcus. Ithaca; London: Cornell University Press, 2015. 274 p. ISBN 978-1-50170-007-1